

4 января 1936 года в зале Парижской консерватории состоялся не-обычный литературный концерт — четыре советских и шестнадцать французских поэтов читали свои стихи. Московские поэты Владимир Луговской, Илья Сельвинский, Семен Кирсанов и Александр Безыменский, поднаревшие на публичных выступлениях в Политехническом, потрясли аудиторию и децибелами, и виртуозностью голосового аппарата, и даже пластикой.

Спустя 36 лет Безыменский еще помнил, как после тихих голосов французских Луговской «так грохнул началь-ные строки своего стихотворения — аж люстры задрожали», а Кирсанов, читая «Поэму о Роботе», запел («музыкальный ритм фокстрота полностью слился с топочущим стихотворным ритмом поэмы»), затем сам мемуарист, читая «Бахают бомбы у бухты», продемонстрировал по ходу дела три песни, входящие в текст, и наконец Сельвинский, когда вечер длился уже три часа, прочел «Охоту на нерпу», пропев по-итальянски входившую в стихотворение песню «Марекьяре» (Луи Арагон, кстати сказать, вызвал смех аудитории, когда, предвзято это чтение своим переводом, предупредил публику, что не умеет ни петь, ни говорить по-итальянски).

В воспоминаниях 1971 года «Триумф советской поэзии» Безыменский не приводит имен шестнадцати французских поэтов — участников вечера, а «Правда» в кратком отчете назвала (видимо, для симметрии) только четырех: Луи Арагона, Шарля Вильдрака, Жан-Ришара Блока и Люка Дюртена. Мемуарист, вспоминая, что читали по кругу (четыре французца, потом один русский, и так четырежды), пишет о французских поэтах: «Их пребывание на сцене являло собой, честно говоря, очень унылое зрелище. Они робели, как малыши, читали стихи по бумажке, дрожавшей в их руках, читали тихо».

Председательствовал на вечере Илья Эренбург, и «Правда» его имени даже не упомянула, зато сообщила, что концерт открыл Луи Арагон, сказав: «Этот вечер должен послужить

За кулисами триумфа

К истории парижского турне четырех советских поэтов

сближению между советской литературой и литературой Франции». Безыменский же в 1971 году, в отличие от «Правды» 1936-го, наоборот, несколько раз упоминает Эренбурга, но молчит об Арагоне, имя которого в Москве было уже не в чести.

То, что в Москве придавали парижскому вечеру поэтов политическое значение, подчеркивало присутствие в зале консерватории советского полпреда В.Потемкина и бывшего замнаркома Л.Карахана. Когда через три месяца в переполненном зале «Мюжю-лите» политически обреченный Бухарин будет читать в переводе Мальро свой знаменитый доклад о проблемах современной культуры, полпредство ограничится присылкой третьего секретаря — не для представительства, а для отчета.

Публика в цитированных мемуарах описана так: «В первых рядах сидели представители родовой аристократии, чьи фамилии поразили нас, ибо мы уже знали их из романов Бальзака и Александра Дюма; большинство зрителей составляла парижская интеллигенция, люди весьма различных политических направлений. А несколько рядов занимали русские эмигранты».

«Правда» информировала своих читателей проще: «Аудитория, состоявшая из представителей трудовой интеллигенции, с исключительной теплотой встретила выступление поэтов».

Понятно, что советские участники отнеслись к своим выступлениям как к делу особой политической значимости и очень старались. Неожиданный мотив потребовал от них еще большей отдачи. Сельвинский написал из Парижа в Москву жене: «Наши спортсмены проиграли матч, и нам нужна блестящая победа» (1 января в Париже игрался футбольный матч между московской командой, составленной из иг-

Борис Фрезинский

роков «Динамо» и «Спартак», и парижским «Ресингом»; стадион был полон, присутствовали два французских министра, те же Потемкин и Карахан и почти вся советская колония; выиграли французы со счетом 2:1. На стараниях французских участников литературного вечера это событие, надо думать, не отразилось).

Об откликах французской печати Безыменский пишет:

«Коммунистические и либеральные

о том, что читали мы и шестнадцать наших французских коллег. Зато великое множество строк эти газеты посвятили прическе и фигуре Луговского, импозантной манере чтения Кирсанова («русского марсельца»), моему костюму и голосу, изумительному устройству горла Ильи Сельвинского». (Не берусь судить, насколько точен здесь мемуарист, но его фраза: «Через несколько дней мы прочли пространственный репортаж о вечере, напечатанный в «Правде», — легко проверяется: в номере от 6 января под заголовком «Вечер французских и советских поэтов в Париже» был напечатан тассовский столбик из четырех коротких абзацев).

Вечер потребовал большой и длительной подготовки. Московские поэты приехали в Париж в начале декабря 1935 года (до того они побывали в Польше, где им не разрешили публичных выступлений, но состоялось несколько встреч с Тувимом и Броневским; и в Чехословакии, где помимо встреч с Незвалом, Галасом и Горой было выступление на «вечере молодых» в пражском зале «Люцерна»).

Подготовка к парижскому вечеру по существу началась с их приезда. «В Париже мы встретили Илью Григорьевича Эренбурга. Устроители нашего вечера превосходно организовали этот поэтический форум», — вспоминал на старости лет тот же Безыменский, а 11 декабря 1935 года он писал в Москву не столь благостно: «Франция не Чехословакия, и первое, что подтвердило этот факт, —

Воспоминания А.Безыменского о парижском вояже четырех советских поэтов появились почти сорок лет спустя и были опубликованы в журнале «Нева» в 1971 году.

газеты отзывались о нас очень похвально, подчеркивая преимущества советской поэзии по содержанию и форме. Репортажи и отзывы буржуазных газет были очень своеобразными... Ни одного слова не было сказано

невозможность устройства открытого вечера до 4-го января. Нужна пресса, а она раскачивается тут медленно... Коммунистическую прессу посольство рекомендует использовать лишь после заметок в другой... Зал сняли, биографии наши прессе посылаются завтра, были интервью в «Вандрди» и «Лю», готовятся другие».

В конце декабря было организовано чтение стихов по французскому радио с Эйфелевой башни; ему предшествовал диалог между диктором и Сельвинским (московская «Литературная газета» 5 января 1936 года напечатала произнесенное по радио Сельвинским). Что касается французской прессы, то еще в начале декабря «Эко де Пари» поместила статью известного правого журналиста Анри де Кериллиса, которую Сельвинский прочел коллегам в поезде по пути в Париж.

Снова цитирую мемуары: «Граждане-товарищи! — говорит Сельвинский. — Это статья про нас! Заголовок — шикарный. Гласит он вот что: «Вон из Франции!» Кериллис негодует, что правительство страны позволило прибыть во Францию четырем большевистским лазутчикам, и требует не разрешать нам устроить литературный вечер: все равно эти пииты пишут одинаково, содержание их стихов тоже одинаково, даже одеты они одинаково». По части экипировки Кериллис не ошибся: фотографии запечатлели московских поэтов на фоне площади Согласия в весьма приличных одинаковых же велюровых серых шляпах.

В Париже чуть было не сорвалось выступление Луговского — он попал в автомобильную аварию; 11 декабря Безыменский сообщал в Москву: «Последний факт, взволновавший нас, — это катастрофа с Луговским, его треснутое ребро. Он лежит в больнице, все для него сделано, ничего серьезного нет, через 3-4 дня выйдет. Он ехал с неким Яффе (Борис Яффе, вполне самостоятельный парижский предприниматель, друживший с Эренбургом; выходец из России, он очень интересовался литературой, почитал писателей и с удовольствием оказывал услуги Эрен-

бургу по части приема приезжавших из России в Париж писателей. — Б.Ф.), с корреспондентом «Комс. Правды» Савичем (писатель Овадий Савич, близкий друг Эренбурга, до 1939 г. жил в Париже. — Б.Ф.) и редактором «Лю» (Люсьен Вожель, издатель еженедельников «Вю» и «Лю». — Б.Ф.). Автобус наскочил на их авто. Всех помяли, но все невредимы. Луговской клянется, что пьяны они не были, — это я проверю».

Проницательный читатель уже догадался, что самый слабый поэт из московской команды в Париже был облечен самыми большими полномочиями: именно ему поручили быть неофициальным руководителем группы, и, конечно же, он старался. Старания эти диктовались не только недостатком таланта и избытком темперамента, но и тем леденящим душу комсомольского поэта обстоятельством, что в 1923 году Лев Троцкий, в общем-то скептически относившийся к «пролетарской литературе», назвал Безыменского ее «надеждой и в ответ растроганный поэт посвятил вожде свою «Комсомолию». В январе 1936 года страна еще не ведала, что бывший организатор Октябрьской революции и бывший создатель Красной армии — шпион, давно работающий на гестапо, но что он контрреволюционер и злейший враг СССР, знали даже дети; клеймо «троцкист» было несмываемо и уже смертельно. Положение Безыменского оказалось очень трудным. Хуже пришлось разве что Вере Инбер, двоюродной племяннице Троцкого, но они оба все-таки жили.

Свои письменные отчеты о поездке в Европу Безыменский направлял в Москву, адресуя их сразу трем лицам: партийному функционеру А.Щербакову, поставленному руководить Союзом писателей, А.Ангарову, ведавшему литературой в Агитпропе ЦК, и А.Суркову, комсомольскому поэту, не отмеченному вниманием Троцкого и занимавшему сильные позиции в аппарате Союза советских писателей.

Свои письменные отчеты о поездке в Европу Безыменский направлял в Москву, адресуя их сразу трем лицам: партийному функционеру А.Щербакову, поставленному руководить Союзом писателей, А.Ангарову, ведавшему литературой в Агитпропе ЦК, и А.Суркову, комсомольскому поэту, не отмеченному вниманием Троцкого и занимавшему сильные позиции в аппарате Союза советских писателей.

Продолжение на стр.12

За кулисами триумфа

Начало см. стр.1

Сохранилось два таких отчета. Первый отправлен из Вены 1 декабря 1935 года с оказией (его повез, возвращаясь в Москву, глава советских профсоюзов Н.Шверник), второй — из Парижа 10 дней спустя.

Первое донесение начинается грустным признанием:

«Если вы правдиво считаете нашу поездку соединением учебы с удовольствием, то для меня лично то и другое переплетается с утомительным и трудным делом психологического руководства тройки весьма трудных человеческих экземпляров».

Затем следует рассказ о поездке в Польшу. Доложив о встречах с Тувимом и Броневским, Безыменский пожаловался:

«Я не думаю, что трудно было Тувиму сообщить о нашем приезде еще нескольким поэтам и почитать их. Очевидно, что сей муж (служащий Министерства пропаганды) сумел никого не найти, хотя изливался в комплиментах нам», однако, вспоминая о желании Тувима приехать в Москву, информатор все же заметил: «Я думаю, что пустить его надо».

Чехословацкие впечатления оказались куда более розовыми. Рассказывая о выступлении в зале «Люцерна», Безыменский сообщал: «Каждое произнесение имени Сталина сопровождалось овацией. Была двухминутная овация в честь Красной армии (эти две фразы в письме подчеркнуты красным карандашом Щербакова. — Б.Ф.), когда я сказал, что советские поэты воспевают мощь Красной армии, защитницы нашего и вашего спокойствия».

Затем следует доклад о беседах с поэтами чехословацкого авангарда,

так или иначе связанными со знаменем сюрреализма (одни были сторонниками словацкого «Деветсила», другие симпатизировали Эренбургу, писавшему памфлеты на французских сюрреалистов, третьи — Андре Бретону, который политически все более склонялся к Троцкому и потому был ненавистен Москве).

Витезслав Незвал, выступая 29 августа 1934 года на 1-м съезде советских писателей, цитировал Бретона и восхищался докладом Бухарина. Безыменский на том же съезде доклад Бухарина поносил и яростно разоблачал «рупоры классового врага»: Гумилева, Есенина, Клюева, Клычкова, Заболоцкого, П.Васильева и Корнилова; его административно перспективный товарищ Сурков, патологически ненавидевший Пастернака, с наглостью безнаказанности нападал на Бухарина, провозгласившего того первым поэтом страны.

После международного парижского конгресса писателей (1935 г.) Москве окончательно стало ясно, что французских сюрреалистов во главе с Бретоном не удастся даже нейтрализовать; актуальной задачей стало ослабление их влияния. Поэтому отлучение Незвала и поэтов его круга от Бретона вошло в задание московским поэтам. Безыменский пытался осуществить это достаточно топорно. Масштаба автора «Поэм ночи» и лирических сборников 1927-1933 годов он оценил не мог, аттестуя их в своем отчете как «галантную игру со словом» и «фрейдистский туман».

БОРИС ФРЕЗИНСКИЙ

Санкт-Петербург

Окончание следует.